

Ислам Зарипов¹

Альтернативный путь татарского религиозного реформаторства

Аннотация: Татарский богослов Закир Аюханов (1889-1961) предлагает оригинальную методологию реформирования мусульманского права, которая заключается в отрицании традиционных логико-рационалистических методов, в частности аналогии (кыяс), признании буквального смысла предписаний, указанных в первоисточниках ислама, а также в обязательном учете исторических условий, при которых были сформулированы религиозные положения. Данные методы восходят к буквалистской методологии средневековой богословско-правовой школы (мазхаб) захиритов, на основе которой татарский богослов предлагает решать современные ему проблемы российского и мирового мусульманского сообщества.

Ключевые слова: Закир Аюханов, методология мусульманского права, татарская богословская мысль, история общественной мысли татар, история татарского народа.

Islam Zaripov. THE ALTERNATIVE WAY OF TATAR RELIGIOUS REFORMATION
Abstract: Tatar theologian Zakir Ayukhanov (1889-1961) offers an original methodology of Islamic law reforming, which lies in refusal of traditional logical-rationalist methods, in particular analogy (al-kyyas), acceptance of the literal meaning of prescriptions, identified in Islamic primary sources. It also lies in obligatory consideration of historical conditions when religious regulations are developed. These methods date back to the literalist methodology of medieval theological-juristic school (mazhab) of Zahiri. Based on this methodology Tatar theologian offers to solve modern problems of Russian and world Muslim community.

Key words: Zakir Ayukhanov, Islamic law methodology, Tatar theological thought, history of Tatar social thought, history of Tatar people.

¹ Старший научный сотрудник ГБУ «Центр исламоведческих исследований» Академии Наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия).

Хорошо изучен феномен татарского религиозного реформаторства в том понимании, как его сформулировали Г. Курсави, Ш. Марджани, Г. Баруди, Р. Фахретдин и М. Бигиев. Хотя в отношении ряда проблем они имели различные точки зрения и не создали единого богословско-правового учения, помимо желания дать современное истолкование положениям ислама, их объединяла методология принятия богословско-правовых заключений. Все они призывали к «открытию врат» иджтихада¹ и являлись сторонниками логико-рационалистических методов при извлечении положений из первоисточников.

Но в истории татарского богословия было намного больше ученых, имена и мысли которых до сих пор остаются неизвестными потомкам. Один из них – Закир Насырович Аюханов (1889-1961). Выпускник Каирского университета и оренбургского медресе «Хусаиния» до революции активно занимался религиозно-просветительской деятельностью. Так, помимо преподавательской деятельности в медресе «Хусаиния» и уфимском медресе «Галия», богослов опубликовал на страницах журнала «Шура» циклы статей по истории ислама, о его богословско-правовых школах, а также о ростовщичестве и закяте [Яйыкбаев, 2003, с. 48-50; Башкирская энциклопедия, 2005]. В частности, можно отметить его исследование «Мусульманское право» («Фикх»), посвященное истории и методологии мусульманского права (*фикх*), «Первые проявления разногласий в исламе и секта исмаилитов» («Исламда иң өлек зуһур иткән ихтилаф вә исмагылия мэхэбы»), статью, посвященную сопоставлению выплаты закята и налогов «Закят и доходы ислама» («Закәт һәм ислам ирадләре»), а также цикл статей «О ростовщичестве» («Риба хакында»).

В этих публикациях представлена оригинальная методология извлечения богословско-правовых положений из первоисточников, идущая в разрез как с методами традиционных богословско-правовых школ (*мазхаб*) ислама, так и с методами большинства татарских реформаторов.

Подробно рассмотрев в нескольких статьях мнения всех правовых школ (*мазхаб*) в отношении положения ростовщичества, богослов

¹ Иджтихад (дословно с арабск. – «проявление усердия», «настойчивость», «свободное исследование») – как термин мусульманского права обозначает самостоятельный поиск богословом-правоведем (*факих*) аргументов, методов и приемов решения богословско-правовых вопросов.

указывает на их грандиозные противоречия как между собой, так и внутри себя. Обращаясь к читателю, он размышляет:

«Получается, что самое строгое из запрещенного, не остерегающемуся которого обещана в мирской обители война Аллаха и Его Посланника, а в следующей – адское пламя, ростовщичество остается полностью скрытым. Также закрываются и способы воздержания от него, данные для обеспечения человеческого счастья в мирской и вечной жизни, состоящие из божественного учения, шариатские положения – дозволенное и запретное – превращаются в смешанную и противоречивую кашу. Усложняется различие между дозволенным и запретным, это становится просто невозможным» [Аюханов, 1915 (9), с. 269-271].

И сам же категорично отвечает: «Посланник был послан Всевышним Аллахом людям для разъяснения ниспосланного шариата, а не для усложнения и запутывания их» [Аюханов, 1915 (7), с. 204-206].

Считая решение проблемы запрета ростовщичества «самой значимой и самой священной задачей, выпавшей на долю мусульман», которая «противостоит экономическому развитию – самой важной области жизни» [Аюханов, 1915 (2), с. 42-52], З. Аюханов в то же время считает, что отношение ислама к ней было четко и ясно сформулировано текстом Корана, подробно разъяснено словами и действиями пророка Мухаммада, и никто не вправе изменить его. Другие татарские реформаторы призывали к всестороннему использованию логико-рационалистических методов мусульманского права для решения насущных проблем мусульманского сообщества – всеобщему «открытию врат» иджтихада, в том числе и в вопросе ростовщичества. Такой точки зрения, например, придерживался известный татарский реформатор М. Бигиев, позиция которого по данной проблеме была отражена в книге «Заkyat», переведенной нами на русский язык [Бигиев, 2013]. Но в отличие от них З. Аюханов категорично говорит о том, что иджтихад в отношении религиозного (*шариатского*) запрета ростовщичества не допустим. По его мнению, коранический запрет ростовщичества также ясно разъяснен пророческим Преданием (*сунна*), как вопросы молитвы и омовения, в отношении которых никто не применяет иджтихад. Допуская возможность того, что смысл аята кому-то и может быть неясен, он решительно отвергает предположение о том, что Бог или Его Посланник в полной мере не разъяснили какое-либо из положений религии. Богослов считает, что

мусульманин, верующий в истинность Корана и пророческую миссию Мухаммада в соответствии с аятами «*И послали Мы тебе упоминание, чтобы ты разъяснил людям, что им ниспослано*» [Коран, 16:44] и «*Сегодня Я завершил для вас вашу религию*» [Коран, 5:3], обязан считать, что пророческая миссия была выполнена в полной мере, все необходимые религиозные положения были установлены и полноценно разъяснены, в том числе и в отношении ростовщичества. Считающие, что коранический аят о ростовщичестве имеет обобщенный смысл и требует иджтихада учёных, по его мнению, отрицают этим полноценное разъяснение религиозных положений, содержащихся в Писании и Предании, входят в противоречие с вышеприведенными аятами.

Он пишет:

«В соответствии с доктриной ислама ни один человек, кроме Пресвятого Посланника, не может говорить от имени религии. Право законодательства в религиозных положениях есть только у Всевышнего Аллаха и Его Посланника. Соучастие в этом самозванцев есть чрезвычайно великое преступление» [Аюханов, 1915 (10), с. 299-301].

Кажущаяся противоречивость вышеприведенных слов, которые, с одной стороны, говорят о важности ростовщичества в современной экономике, а с другой – содержат отвержение иджтихада в отношении его религиозного (*шариатского*) запрета, объясняется авторской классификацией ростовщичества, разделяющей его на несколько видов. По мнению З. Аюханова, только один из видов ростовщичества подпадает под религиозный (*шариатский*) запрет, в отношении которого иджтихад не допустим, отношение же ко всем остальным видам ростовщичества может меняться в соответствии с изменением социально-экономических условий жизни.

З. Аюханов считает, что основная причина современных проблем мусульманского сообщества заключается в слепом следовании средневековым положениям традиционных богословско-правовых школ. Он пишет: «Мусульманский мир ставит слова богословов, противоречащих как разуму, так и религии, выше Божественных текстов и пророческого Предания» [Аюханов, 1915 (2), с. 42-52]. В то же время он отмечает, что положения, сформулированные великими

муджтахидами¹ прошлого, не входили в противоречие с социально-экономическими условиями их времени. Но по причине того, что эти положения не менялись вместе с изменением жизненных условий, они пришли в полное несоответствие современным реалиям.

По мнению З. Аюханова, слепое и фанатичное следование современных мусульманских учёных ранним авторитетам и традициям богословско-правовой школы (*мазхаб*) привело к ошибкам в заключении дозволенности или запретности в отношении многих вопросов как религиозной практики (*'ибада*), так и общественных отношений (*му'амалат*). Богослов заявляет, что слова коранического аята «Когда скажут им: „Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!“ – они говорят: „Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов“» [Коран, 2:170] в полной мере относятся к ним. Он считает, что не невежество, а именно это слепое следование не позволяет людям правильно понимать священные тексты. Учёный говорит, что для понимания священных текстов не обязательно быть даже учёным, а «достаточно лишь в полной мере знать арабский язык, историю, остерегаться фанатизма и вышеуказанных ошибок, верить в то, что не Коран должен следовать твоим убеждениям, а твои убеждения должны следовать за Кораном» [Аюханов, 1915 (9), с. 42-52]. При этом он подчеркивает, что «ясный арабский язык» Корана понятен и в отношении значения каждого его аята не может быть разногласий, а все имеющиеся споры вызваны рассмотрением их через «мазхабные» очки.

Еще одной причиной грубых ошибок в определении религиозного положения о дозволенности или запретности чего-либо он считает выделение правоведами определяющей философии того или иного Божественного повеления, их убеждение, что каждый из запретов имеет свою причину (*'илля*) и является ее следствием (*му'алиль*).

Основываясь на кораническом аяте «Он уже разъяснил вам, что вам запрещено, если вы к этому не будете приневолены. А ведь многие сходят с пути своими страстями без всякого знания» [Коран, 6:119], З. Аюханов заявляет, что все запрещенное религией было полноценно разъяснено самим Богом и Его Посланником. Пророческие слова и действия, по его мнению, также, как и Коран, являются боговдохновенными в соответствии со значением аята «И говорит он

¹ Муджтахид – мусульманский правовед, имеющий право выносить самостоятельные богословско-правовые заключения, совершать иджтихад.

не по пристрастию. Это – только откровение, которое ниспосылается» [Коран, 53:3-4]. Он указывает, что ни у кого, кроме Бога и Его Посланника, нет права запрещения от имени религии. При этом он отрицает возможность извлечения причин (*та'лиль*) и суждение по аналогии (*кьяс*) на основе явно запрещенного, отмечая, что

«...даже если причина (*та'лиль*) и была объяснена ими самими [Богом и Его посланником], неуклонное следование именно этой мотивировке (в том виде, в котором она не была разъяснена ими) не обязательно, особенно, когда это противоречит интересам и пользе социальной жизни людей» [Аюханов, 1915 (12), с. 361-362].

Он однозначно утверждает, что «суждение по аналогии (*кьяс*) не является методом мусульманского права и совершенно неверно, боясь впасть в запретное, запрещать все подряд» [там же].

Подробно рассматривая и аргументировано критикуя каждую из богословско-правовых школ, использующих метод аналогии (*кьяс*), в их извлечении причин запретности ростовщичества, татарский богослов говорит, что огромное количество разногласий и противоречивость этих причин доказывает ошибочность самого метода аналогии (*кьяс*), а также демонстрирует тот факт, «что те, кто от имени религии судили по аналогии, делали это, как им захочется» [Аюханов, 1915 (6), с. 177-178].

Отрицание данного метода не ново в истории мусульманского права. Такого же мнения придерживалась захиритская школа, которую исследователи относят к исчезнувшим суннитским школам мусульманского права. В правовой практике представители этой школы опирались исключительно на «внешнее», буквальное понимание Корана и Сунны, отрицая всякую возможность видеть в текстах скрытый смысл и толковать их аллегорически или рационально. Они считали дозволенным все то, что явно не запрещено. В вопросах методологии права (*усуль аль-фикх*) захиритские правоведы были противниками использования логико-рационалистических приёмов (*кьяс*, *рай*, *истихсан*, *истисхаб* и др.). В случае невозможности буквального понимания того или иного положения первоисточников в поздний период было допущено использование единодушного мнения сподвижников пророка Мухаммада (*иджма'*) в очень ограниченных пределах [Усуль-аль-фикх, с. 517].

Эта богословско-правовая школа (*мазхаб*) была широко распространена в X–XIII вв. Её представители имелись как на востоке Арабского халифата (в частности, в Хорасане), так и на западе (в Андалусии жил захиритский богослов Ибн Хазм). В XII в. при Альмохадах захиризм был признан официальной правовой школой. После XV века захириты постепенно исчезли [Ислам, с. 76-77].

Считается, что именно андалусский богослов Ибн Хазм (994–1064) формально оформил положения захиритской школы. Следуя захиритской традиции, он настаивал на буквальном толковании священных текстов, в качестве первоисточников права (*фикх*) признавал лишь Коран и Сунну, отвергая принятые в других юридических школах рациональные методы (в т. ч. суждение по аналогии (*кьяс*)). Применение единогласного мнения (*иджма'*) он ограничил единогласием сподвижников Пророка. Одновременно Ибн Хазм выступал против слепого следования (*таклид*), допуская следование лишь Пророку (что, по его мнению, не является таклидом) [Ибрагим, 2010].

Важно отметить, что основное правоведческое сочинение Ибн Хазма «Аль-Мухалля» З. Аюханов постоянно цитирует и ссылается на него во время своего исследования о ростовщичестве. В одной из статей он дает средневековому богослову такую характеристику: «Обладающий глубокими знаниями в области мусульманского права, а также не имеющий равных в понимании Писания и Предания, истинный философ ислама» [Аюханов, 1916 (11), с. 260-262].

Таким образом, З. Аюханов представляет альтернативный путь реформирования мусульманского права, предлагая решать современные ему проблемы российского и мирового мусульманского сообщества с помощью буквалистской методологии средневековой богословско-правовой школы (*мазхаб*) захиритов.

Библиография

- Башкирская энциклопедия: в 7-ми тт. Т. 1. А-Б. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. – 624 с.
- Бигиев М. Замят / Под общ. ред. И.А. Зарипова. – Наб. Челны: «Духовно-деловой центр “Ислам Нуры”», 2013. – 228 с.
- Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
- Коран. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 727 с.

Ибрагим Т. Ибн Хазм // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1159.html> (дата обращения 12.01.2013).

Усуль-аль-фикх. – М.: Московский исламский университет, 2012.

Аюханов Закир. Рибә хакында // Шура – 1915. – № 2. – 42-52 б.; №3. – 81-82 б.; № 4. – 107-109 б.; № 5. – 146-148 б.; № 6. – 177-178 б.; № 7. – 204-206 б.; № 8. – 245-247 б.; № 9. – 269-271 б.; № 10. – 299-301 б.; № 11. – 336-340 б.; № 12. – 361-362 б.

1916. – № 9. – 222-224 б.; № 10. – 237-239 б.; № 11. – 260-262 б.; № 12. – 383-385 б.; № 13. – 308-311 б.; № 14. – 333-335 б.; № 15. – 357-359 б.; № 16. – 382-384 б.; № 17. – 405-407 б.; № 18. – 428-432 б.; № 19. – 452-455 б.

Яйыкбаев К.Я. Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укытыусылар һәм мәғариф эшмәкәрҙәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һурәтләмәләр. 1-се кит. – Өфө, 2003.

References

Bashkirskaya enciklopediya. (2005), Nauchnoe izdatelstvo “Bashkirskaya enciklopediya”, Ufa.

Bigiev, M. (2013), *Zakyat*, “Duhovno-delovoi centr ‘Islam Nury’”, Nab. Chelny.

Islam. Enciklopedicheskii slovar. (1991), Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literatury, Moskva.

Koran. (1986), Per. I komment. I.Yu. Krachkovskogo, Izd. 2-e, Glavnaya redakciya vostochnoi literatury izdatelstva “Nauka”, Moskva.

Ibragim, T. (2010), “Ibn Hazm”, *Novaya filosofskaya enciklopediya*, available at: <http://iph.ras.ru/elib/1159.html> (accessed 12 January 2013).

Usul-al-fikh. (2012), Moskovskii islamskii universitet, Moskva.

Ayuhanov Zakir, “Riba hakynda”, *Shura*,

(1915) No. 2, pp. 42-52; No. 3, pp. 81-82; No. 4, pp. 107-109; No. 5, pp. 146-148; No. 6, pp. 177-178; No. 7, pp. 204-206; No. 8, pp. 245-247; No. 9, pp. 269-271; No. 10, pp. 299-301; No. 11, pp. 336-340; No. 12, pp. 361-362.

(1916) No. 9, pp. 222-224; No. 10, pp. 237-239; No. 11, pp. 260-262; No. 12, pp. 383-385; No. 13, pp. 308-311; No. 14, pp. 333-335; No. 15, pp. 357-359; No. 16, pp. 382-384; No. 17, pp. 405-407; No. 18, pp. 428-432; No. 19, pp. 452-455.

Yayykbayev, K.Ya. (2003), *Magrifatse mogallimdar, kurenekle ukytyusylar hem magarif eshmarkarzare: Tarihi-pedagogik ocherktar hem huratlamalar*, Ufa.